

1259466

РРР
КР

И. Баскевич

ГОРЬКИЙ В КУРСКЕ

рзор

8(С)Р
527

ИЗ.БАСКЕВИЧ

3
57854

УИХ

ГОРЬКИЙ В КУРСКЕ

ГОРЬКИЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1259466

КУРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1959

Курская
областная библиотека
им. Н. Н. АСБЕРА

Как известно, семнадцатилетним юношей будущий писатель посещал кружки революционной молодежи в Казани, принимал активное участие в агитации против царского правительства. Молодой, мыслящий рабочий скоро попал к жандармам на подозрение. Наконец им представился повод арестовать его. Правда, прямых улик против А. М. Пешкова у жандармов не было. Пришлось выпустить его из тюрьмы. Но то, что он читал книги «особенного, не вполне желаемого и не соответствующего его развитию и полученному им образованию, направления»*, постоянно вращался в кругу «неблагонадежных», вызвало у жандармских чинов предположение, что молодой рабочий был посредником сношений между революционерами. Поэтому за ним был учрежден особый надзор полиции. Позже его заменили негласным надзором.

С тех пор и до 1917 года жандармское око пристально следило за М. Горьким. Отправляясь из Нижнего, он постарался освободиться от докучавшего ему надзора полиции, связывавшего по рукам и ногам. «Он вышел пешком из Нижнего, чтобы уйти от слежки, шел по берегу, потом плыл на пароходе до Царицына и по очень знакомой ему Грязе-Царицынской железной дороге доехал до станции Филоново», — сообщает биограф М. Горького И. Груздев**. Избавился ли, однако, Горький от назойливого интереса властей к его жизни? Жандарм станции Филоново обнаружил у техника Чичагова «подозрительные собрания», в которых принимал участие Алексей Пешков. О дальнейшем полицейском наблюдении за его хождением по Руси мы сведениями не располагали.

Недавно доцент Курского пединститута Ф. И. Лаппо обнаружил в Государственном архиве Курской области новые, неизвестные раньше документы о Горьком — дело, озаглавленное «По отношению начальника Курского губернского жандармского управления о розыске мешанина Алексея Максимов Пешкова», датированное июлем 1891 года. В нем черновик, беловик и типограф-

* Сб. «Революционный путь Горького». Центрархив, ГИХЛ, 1933, стр. 26.

** И. Груздев. Горький. Изд. «Молодая гвардия», М., 1953, стр. 67.

ски размноженные экземпляры циркулярного распоряжения, адресованного полицмейстеру и уездным исправникам Курской губернии и подписанного вице-губернатором Андреевским. Как видно из этих документов, путешествие М. Горького вызвало весьма определенный интерес жандармов. «Состоящий под негласным надзором полиции в Нижегородской губернии мещанин Алексей Максимов Пешков 29-го апреля сего года из Нижнего Новгорода выехал, будто бы в Царицын». Но туда он, «как оказалось по наведенным справкам, не прибывал»*. Начальник Нижегородского жандармского управления предпринял соответствующие шаги, чтобы разыскать поднадзорного. Через агентуру ему удалось дознаться, что А. Пешков направился в Курск. Немедленно в адрес Курского губернского жандармского управления было послано специальное отношение, в котором говорилось: «...По добытым... сведениям сделано известно, что он в настоящее время должен проживать в г. Курске или Курской губернии». Сообщая об этом, главный жандарм Нижнего Новгорода просил своего курского коллегу «об оказании содействия к розыску»:

Незамедлительно последовало соответствующее распоряжение. Однако М. Горький к тому времени уже покинул Курск и, пройдя Харьков, Лубны, Екатеринослав, находился скорее всего в Николаеве.

***

М. Горький рассказывал, что в Курске он «очутился на празднике выноса иконы в Коренную пустынь»**. В 1891 году это выпало на 21 июня (по старому стилю).

Церковники чрезвычайно наживались на таких праздниках. Синодальный указ от 15 января 1806 года совершенно откровенно говорит, что перенесение иконы издавна было заведено «в удовольствие стекающего для богомолния и торговли народа и в пользу монастыря»***. Десятки тысяч обманутых людей участвовали в крестном ходе. К моменту выноса иконы к Знаменскому собору со всех сторон прибывало огромное множество ни-

* ГАКО, фонд 5-с, опись III, ед. хран. 75, л. 5.

** «Курская правда», 15/VII—1928 г.

*** Прибавление к Курским Епархиальным Ведомостям, № 21, 1901 г., стр. 480.

щих, кликуш, убогих, калек, надеявшихся на чудесное исцеление.

За десять лет до посещения Курска М. Горьким великий русский художник И. Е. Репин наблюдал этот религиозный обряд и написал картину «Крестный ход в Курской губернии» (1883 г.)... На переднем плане видны рослые благообразные «мужички», с чувством собственного достоинства они несут сияющий золотом огромный фонарь. За ними — две разодетые богомолки, гордые честью держать в руках пустой футляр от иконы. Далее идет хор, возглавляемый регентом-причетником. Затем богатая и важная барыня спесиво несет весь в золоте «чудотворный» образ. Рядом с ней с палкой в руках ассистент, видимо, богатый откупщик или подрядчик. А дальше видны все почтенные лица; в них не трудно узнать купцов, помещиков, священнослужителей и монахов, чиновников, богатеев из мужиков. Медленно, степенно движется крестный ход. Шествие ограждено от напирющей сбоку толпы цепью, составленной, должно быть, из деревенских старост и сотских. Им помогают конные «стражи порядка». Один из них, перегнувшись, ругается с кем-то из толпы. Другой урядник замахнулся нагайкой на избранную жертву. За цепью — простой народ: крестьяне, нищие, убогие. Изможденные, усталые лица. Возможно, не одну сотню верст прошли эти люди пешком, чтобы «сподобиться» лицезреть «чудотворную» икону. Калека, опирающийся на костыль, пытается прорваться сквозь цепь. Его властно отталкивает сотский.

Примерно такую картину мог наблюдать М. Горький и в 1891 году. «Меня поразило тогда, — рассказывал он, — невероятное количество нищих, всяких калек, уродов, больных»*.

Возможно, что впечатления от крестного хода сказались затем на некоторых страницах повести «Исповедь» (1908 г.).

«Все как бы слепы и легко спотыкаются на пути; редко слышишь живое, одухотворенное слово, слишком часто люди говорят по привычке чужие слова, не понимая ни пользы, ни вреда мысли, заключенной в них.

Подбирают речи блаженных монахов, прорицания

* ГАКО, фонд 1430, опись 1, ед. хран. 287, лл. 13—14.

отшельников и схимников, делятся ими друг с другом, как дети черепками битой посуды в играх своих. Наконец, вижу не людей, а обломки жизни разрушенной, — грязная пыль человеческая носится по земле, и сметает ее разными ветрами к папертям церквей.

Бесчисленно кружится народ около мощей, чудотворных икон, купается в источниках — и всюду ищет только самозабвения.

Подавляли меня крестные ходы, — чудотворные иконы еще в детстве погибли для меня...»*, — говорит герой «Исповеди».

Скопление человеческого горя, которое увидел М. Горький на празднике выноса курской иконы, глубоко взволновало его. «Ужасное зрелище!» — вспоминал он даже по прошествии почти сорока лет**.

Но привычные к зрелищу народных страданий, закоренелые в торге и обмане, купцы и мещане оставались равнодушными ко всему, кроме наживы. Спокойно и расчетливо они справляли свои дела, зарабатывая даже на убогих и нищих.

М. Горькому очень не понравились курские обыватели, «сытые, ленивенькие, как будто все — дворяне», не понравились ему и маленькие аккуратные домики, в которых «взрослые уютно прятались от жизни». Да и весь Курск показался ему каким-то «особенно тихим и скучным»***.

* * *

А между тем в городе среди железнодорожников, учащейся молодежи все больше разгорались искры революционного протеста. Уже в девяностых годах существовали подпольные революционные кружки. В них, как известно, начал свой революционный путь и И. Ф. Дубровинский (Иннокентий) — выдающийся деятель рабочего движения, видный большевик-ленинец. В одном из таких кружков состоял и А. Г. Уфимцев — впоследствии известный курский изобретатель.

С каждым годом все больше хлопот причиняли ме-

* М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 8, стр. 312.

** Вл. Ас. О часах, которые Курск провел с Горьким. «Курская правда», 15/VII—1928 г.

*** М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 17, стр. 151—153.

ции в Курске упоминает и Ем. Ярославский*. В ней, по всей вероятности, принимали участие высланные из столицы студенты, местная учащаяся молодежь, железнодорожные рабочие. М. Горький мог в те дни убедиться, что, кроме Курска — оплота реакции, существует и Курск революционный.

* * *

В 1898 году в Курском Знаменском соборе произошло событие, прозвучавшее на всю Россию. Была взорвана «чудотворная» икона. Церковники переполошились. Ведь уничтожение иконы могло внушить простым людям, слепо ей поклонявшимся, мысль, что в ней никакой «чудотворности» не было, могло подорвать веру в религию, а тем самым и доходы церкви. Но хитрые попы и монахи не растерялись. Взрыв произошел в ночь на 8 марта. С раннего утра толпа народа осадила монастырь, однако полицейская охрана была непроницаема. Лишь в 11 часов дня главные двери собора широко открылись, и все желающие смогли увидеть расколотые мраморные ступени, начисто снесенную чугунную решетку, разрушенную стену собора. А «чудотворный» образ, державшийся на двух досках, был цел, без единой царапины.

Об этом «чуде» широко раструбила официозная и церковная печать. Тысячи и тысячи богомольцев потянулись в Курский Знаменский монастырь. Люди не знали того, что монахи успели подменить взорванную икону ее копией, сделанной много лет назад. И лицемерные священники обращались к верующим с увещеваниями: «И пусть каждый из нас, по мере средств своих и сил, принесет во славу Пресвятые Богородицы свою усердную лепту»**.

Кто и с какой целью взрывал икону, долгое время оставалось неизвестным, несмотря на все меры, принятые полицией для розыска виновных. Лишь через три года выяснилось, что «адскую машину» с часовым механизмом сконструировал ученик реального училища Анатолий Уфимцев и вместе с товарищами по подполь-

* Сб. «Революционный путь Горького». Центрархив, ГИХЛ, 1933, стр. 9.

** Прибавление к Курским Епархиальным Ведомостям, № 12, 1898 г., стр. 182.

ному кружку положил ее около иконы. Анатолий Уфимцев часто выступал в кружке с горячими речами, направленными против религии. Он говорил о том, что религия опутывает людей по рукам и ногам, превращает их в покорных и жалких рабов власти. Его возмущали церковники и монахи, которые наживались на темноте и невежестве народа, на его слепой вере в «чудотворную» икону. «Если бы люди знали, — говорил он, — на каком нагромождении обмана, лицемерия и злобы покоится то, что называют религией!». Юноша, однако, наивно полагал, будто достаточно уничтожить икону, чтобы прекратить связанный с нею обман.

Взрыватель Уфимцева сработал в точно намеченный срок, но в результате получилось совсем не то, чего добивались юноши. Суеверных людей потрясло «чудо», подстроенное монахами и попами.

Церковники торжествовали.

Когда А. Уфимцева с товарищами заточили в Петропавловскую крепость, фанатики религии потребовали, чтобы «богохульников» судили открытым судом. Но власти предпочли закулисную расправу. Они хорошо понимали, что такой суд неизбежно приведет к разоблачению «чудесного спасения» иконы. Любой специалист-искусствовед без особого труда отличил бы самую прекрасную, тщательно выполненную копию от подлинника, датированного XIII веком. «Богохульников» наказали не в судебном, а в административном порядке.

Анатолия Уфимцева сослали в глухой тогда город Акмолинск. Очутившись там без всяких средств к существованию, он совсем было пал духом. Помощь пришла неожиданно — от Горького.

Писателя очень заинтересовала история со взрывом иконы в Курском Знаменском монастыре. Он бывал в нем, видел эту икону, наблюдал, с каким суеверием относились к ней темные люди, как наживались на ней монахи, и у него, атеиста, все это не могло не вызвать возмущения. М. Горький узнал о юноше Уфимцеве, о его судьбе и направил ему 500 рублей. На эти деньги тот оборудовал маленькую механическую мастерскую. Наряду с выполнением заказов для заработка в ней

* ГАКО, фонд 1430, опись 1, ед. хран. 1, л. 9.

он занялся изобретательством. Жена А. Уфимцева позже рассказывала: «Он написал письмо Алексею Максимовичу, горячо благодарил за такую существенную и своевременную помощь и просил написать ему — чем он в свою очередь мог быть полезен. Через некоторое время от Горького пришел ответ»*.

К сожалению, переписка эта не сохранилась. И все же по некоторым косвенным источникам можно судить о ее содержании.

В 1922 году вышли в свет воспоминания М. Горького об Л. Андрееве. В них, между прочим, говорится и об А. Уфимцеве. М. Горький обнаруживает несомненную осведомленность о жизни изобретателя «под надзором людей невежественных и суеверных», о его работах, выполненных «без необходимых инструментов и материалов». «...Он изобрел, — перечисляет писатель, — оригинальный двигатель внутреннего сгорания, усовершенствовал циклопиль, работал над новой системой драги, придумал какой-то «вечный патрон» для охотничьих ружей»**. М. Горький говорит далее, что он показывал чертежи двигателя инженерам в Москве, и те нашли изобретение Уфимцева очень практичным, остроумным и талантливым.

Уехав в 1906 году за границу, писатель не мог встречаться с А. Уфимцевым. Следовательно, сведения его основаны по преимуществу на письмах, в которых изобретатель делился с писателем своими замыслами и планами, посылал чертежи своих работ. Жена А. Уфимцева рассказывала, что «...по возвращении в Курск из ссылки Уфимцев по указанию Алексея Максимовича оборудовал ряд нелегальных, революционных типографий с печатными станками. Это было, — писала она, — в 1906—1907 годах, в период жестокой реакции, последовавшей после революции 1905 года»***.

М. Горький характеризовал А. Г. Уфимцева как одного «из ряда тех прекрасных мечтателей, которые — очарованы своей верой и любовью — идут разными

* В. Уфимцева. Горький и Уфимцев. Газ. «Молодая гвардия», 18/VI—1938 г., Курск.

** М. Горький. Литературно-критические статьи. ГИХЛ, М., 1937, стр. 231.

*** В. Уфимцева. Горький и Уфимцев. Газ. «Молодая гвардия», 18/VI—1938 г., Курск.

путями к одной и той же цели — к возбуждению в народе своим разумной энергии, творящей добро и красоту»*.

Рассказы М. Горького о юноше Уфимцеве чрезвычайно заинтересовали писателя Л. Андреева. Он «...решил обработать это событие в повесть и тогда же, сразу, очень интересно создал план повести, выпукло очертил характеры. Его, — вспоминал М. Горький, — особенно увлекал Уфимцев, поэт в области научной техники, юноша, обладавший несомненным талантом изобретателя»**.

Однако вместо предполагавшейся повести у Леонида Андреева получилась пьеса «Савва», герой которой ничем не напоминает Уфимцева. Савва — мрачный анархист, который собирается в одиночку перестроить мир. На вопрос: «А друзья у тебя есть, товарищи?» герой драмы лаконично отвечает: «Нет». По мнению Саввы, человечеству мешают построить разумно и красиво свою жизнь не социальные причины, а просто-напросто «человеческая глупость», которой за тысячи лет «накопилась гора». «Теперешние умные, — иронизирует Савва, — хотят строить на этой горе, но, конечно, ничего, кроме продолжения горы, не выходит». Он же собирается уничтожить все, «чтобы теперешний человек голым остался на голой земле», и лишь затем начать строительство новой жизни. Из многочисленных цепей, которые опутывают человечество, тягчайшей Савва считает религию. Свою борьбу за освобождение человечества он начинает с попытки уничтожения этой цепи путем взрыва «чудотворной» иконы. О его замысле узнали монахи. Икону они убрали, а после взрыва, нетронутую, водрузили на прежнее место. Возмущенный народ растерзал Савву.

Отходя от горьковского направления в литературе, все отчетливее склоняясь к пессимистическому взгляду на жизнь, Леонид Андреев изобразил не поэта в области техники, не прекрасного мечтателя, творящего добро и красоту, а какого-то человеконенавистника, обуженного демоном разрушения. «Мне было грустно и досадно видеть, что Андреев исказил этот характер, еще

* М. Горький. Литературно-критические статьи. ГИХЛ, М., 1937, стр. 232.

** Там же, стр. 231.

не тронутый русской литературой, — говорил М. Горький, — мне казалось, что в повести, как она была задумана, характер этот найдет и оценку, и краски, достойные его»*.

Спустя много лет М. Горький все же рекомендовал литераторам писать об А. Уфимцеве.

* * *

В последний раз до Октября М. Горький посетил Курск в 1905 году, проездом, возвращаясь из Ялты в Москву.

Память писателя удержала картину «патриотической» демонстрации по случаю русско-японской войны. «...По улице Курска шла, взявшись за руки, толпа пьяных, человек полсотни, в середине ее — два офицера в белых кителях. Часть толпы нестройно кричала что-то веселенькое, другая пыталась петь «Боже, царя храни»... Слуга гостиницы задумчиво сказал:

— Добровольцев провожают на войну. Вчерась у аптекаря стекла выбили»...**

Жалкий характер этой манифестации убедительно показывает, как непопулярна была в народе война, развязанная царским правительством во имя интересов кучки помещиков и капиталистов. Незадолго до прибытия М. Горького в Курск министр внутренних дел получил от губернатора тревожную телеграмму: «На этих днях в Курске будут открытые вооруженные беспорядки. В губернскую управу доставлено разное оружие. Сегодня в клубе, после заседания думы, при громадном стечении интеллигенции и учащихся, произнесены возмутительные речи о ниспровержении силою оружия существующего порядка. Открыто произведен сбор денег на вооружение рабочих...»***

На железнодорожной станции, в мастерских и фабричных заведениях под руководством Курского комитета РСДРП проводились забастовки. 19 октября тысячи людей с красными знаменами, с пением революционных песен выступили против войны, против произвола

* М. Горький. Литературно-критические статьи. ГИХЛ, М., 1937, стр. 232.

** М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 17, стр. 151.

*** Ю. Райский. Курск в период капитализма, сб. «Курск», Курское книжное издательство, 1957, стр. 112—113.

царского самодержавия. Полиция с помощью черносотенцев и казачьего отряда организовала избиение демонстрантов.

В годы столыпинской реакции революционный Курск вынужден был уйти в подполье. На поверхности оказались помещики, купцы и мещане, поставлявшие кадры для «черной сотни». С деятельностью этих элементов, занимавших господствовавшее положение в старом Курске, и приходилось больше всего сталкиваться М. Горькому, когда он читал отчеты о заседаниях Государственной думы, листал газеты.

Вот почему писатель говорил о дореволюционном Курске как «о гнездилище рыцарей, прозванных в начале XX века зубрами». Среди них он называл геростратовски известного черносотенца депутата Государственной думы от курских помещиков Маркова второго, его предка Евгения Маркова, который «усердно прославлял курское рыцарство в своих романах» и еще более усердно «защищал... феодальные права дворянства статьями в знаменитой газете «Новое время». «Вообще этот курянин, — как заметил М. Горький, — исполнял в русской истории роль capitoлийского гуся, тревожно гоготал, предупреждая самодержавие царя о натиске сил, враждебных ему и дворянству»*.

А силы эти были таковы, что с ними не могли справиться господа помещики и купцы, несмотря на обуревавшую их классовую ненависть. Тревожно жилось им в своих вотчинах. Вот слезные жалобы того же Маркова второго, обращенные к властям: «Крестьяне проявляют неслыханную дерзость — самовольно вылавливают рыбу из нашего пруда... Мало того, крестьяне самовольно купают лошадей в нашем пруде. В настоящую минуту весь наш луг покрыт чужими коровами, которые уничтожают наш корм и обрекают собственных наших животных на голодную смерть»**. Почва у «зубров» горела под ногами. И никакие жандармы, полицейские, никакие войска не могли остановить народ, полный стремления стать хозяином своей судьбы...

* М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 17, стр. 150.

** Цит. по сб. «1905 год в Курской губернии». Изд. «Советская деревня», Курск, 1925, стр. 55.

